

«Простейшие элементы жизни»: письма К. Ф. Некрасова к С. Л. Щерба

Г. В. Мурзо

Частные письма К. Ф. Некрасова, ставшие материалом изучения и положенные в основу данной статьи, продолжившей более ранние публикации [27], относятся к 1915 г. В это время личность героя, являющаяся предметом исследовательского внимания, претерпевает значительные изменения под воздействием коллективных и индивидуальных потрясений, что сказывается на характере и результатах его общественной деятельности.

Ключевые слова: антикварное дело, издательская программа, встреча с П. Муратовым в Крыму, хозяйственный кризис и душевное смятение.

«The Simplest Elements of Life»: K. F. Nekrasov's Letters to S. L. Shcherba

G. V. Murzo

K. F. Nekrasov's private letters, which form the material for the study and the basis for the article naturally continuing previous publications, date back to 1915. At this time the hero's personality, which is the point of research, under went considerable changes under the influence of social and individual shock, which affected the character and results of his public activities.

Key words: liquidation of antique trade in Moscow, new publication programme, an attempt of the family to reunite in Yaroslavl, meeting P. Muratov in the Crimea, economic crisis and emotional confusion, finding the way to overcome them.

Еще в преддверии 1914 г., когда Некрасов как книгоиздатель, собиратель и популяризатор художественных ценностей достиг заметного успеха, а основная цель многообразной деятельности – быть полезным обществу, поддержать личный авторитет и престиж фамилии – казалась достигнутой, он писал Софье Леонидовне, пугавшейся его увлеченности делом и призывавшей к осторожности в поступках, к умеренности в желаниях, способных поставить под угрозу финансовое благополучие:

«Я не знаю вообще, милая София Леонидовна, что выйдет из всех моих начинаний: издательства, журнала, антиквари; я люблю эти дела мои, с радостью занимаюсь ими и до сего времени верил в них и в себя. Но право, теперь Вы начинаете смущать меня, и я изредка начинаю подумывать о том времени, когда проживу последний рубль. Но, несмотря на это, я ничего не хочу изменять. Поймите, это слишком горько для меня заранее сознаться в своей несостоятельности. Лучше уж тогда, когда это станет очевидно – примириться (если это будет возможно) и начать новую жизнь. Устроюсь как-нибудь; я один – заработаю на себя. А пока что – не буду я держать под спудом ни мои силы и уменье (если таковое есть), ни деньги. А Вы помогите мне, пожалуйста, а не нагоняйте на меня уныние» [2, л. 23 об.].

В написании ее имени – намек на избранность: именно так, «Софія», назывался журнал литературы и искусства, который Некрасов начал издавать вместе с Павлом Павловичем Муратовым и группой москвичей – приверженцев древнерусского

искусства. Он льстил женщине, которую почитал женой, но не признавал права «общей собственности» на свою личную жизнь, точнее – на ту существенную часть ее, что была связана с издательством и коллекционированием.

Письма, к слову, очень редко обнаруживали разногласия между Константином Федоровичем и Софьей Леонидовной. Однако процитированное выше послание Некрасова содержит и такие слова:

«...Как Вам не стыдно говорить о недоверии и фальши в наших отношениях. <...> Я отношусь к Вам прямо и просто, по-дружески. Но Вы знаете, что я вообще не склонен к излишностям и по природе замкнут и суховат. И фальши нет обычно; но, правда, иногда врывались фальшивые нотки. <...> Советы я вообще редко слушаю; и Вам нет причины обижаться на меня за это» [2, л. 25].

Она обижалась, но и помогала, взяв на себя все заботы о «Лавке древностей», что потребовало ее постоянного жительства в Москве, а значит, сделало привычной разлуку с ним. Впрочем, общее дело, радость нечастых встреч, свойственные Некрасову доброжелательность и самокритичность способствовали все большему их сближению. 1914-й был для них не только годом разразившейся войны, но и ожидания рождения сына Николая, единственного, как оказалось.

Еще в августе 1914-го Борис Зайцев, близко знавший Некрасова, сотрудничавший с ним, писал в Ярославль:

«Дорогой Константин Федорович, сколько событий мировой силы грянуло с тех пор, как по-

следний раз <...> сидели мы с Вами в “Праге”! Должен сознаться, мне тогда и не мерещилось ничего подобного.

Первые дни кошмар был сильный, скоро он превратился в длительную болезнь, с которой так или иначе – вероятно сживешься. Время страшное, а мирная жизнь все-таки идет...» [3, л. 29].

Мирная жизнь, то есть жизнь вдали от окопов, шла и теперь, спустя долгие месяцы, рассеявшие простодушную уверенность многих в быстром окончании кошмарного наваждения. Первый номер ярославского «Голоса» за 1915 г. так «откликнулся» на происходящее:

«Новый год мы встречаем в тяжелой обстановке. Война. Льет широкие потоками кровь. На всем пространстве, называемом театром войны, – а под театром войны подразумевается, по международному праву, вся территория воюющих стран с их колониями, – потоки эти образуют настоящую реку... Для ведения войны напрягаются все средства» [4, с. 1].

К ним относилась и печать. Некрасов в первые дни войны сам выступил в «Голосе» с патетической статьей «Единая Россия». Сплочение во имя победы было ее лейтмотивом, исторические параллели обеспечивали патриотический эффект в духе официальной пропаганды [26, с. 2].

На его шоры указывал П. Сухотин [29], отказавшийся в канун нового года дать передовую для некрасовской газеты. Высказывая свои мысли о «современной неурядице» в Европе на страницах ответного письма, он полемизировал с Некрасовым, отвергая всякое благодушие по отношению к войне. Эти pro и contra делают воспроизводимый нами фрагмент его рассуждений чрезвычайно важным для понимания политических тезисов Некрасова – приверженца концепции всенародно-го единения под знаменами веры.

«...Я не вижу ничего идейного в том, – писал Сухотин, – что мы воюем, а тем более не вижу ничего схожего в нашей нынешней роли с тем, что происходило когда-то на полях Новгородских. Современная бойня антирелигиозна, и было бы кощунством с моей стороны приводить на память к нынешнему случаю то высокое воодушевление масс, которое изображено, хотя бы, к примеру, на иконе “Битва суздальцев с новгородцами”. <...>. Было бы честнее с моей стороны написать так: вот что было тогда, а вот что теперь, но эта честность будет не совсем искренна, ибо в конце концов и как бы то ни было, а воевать надо, воевать так же мерзко и дико, как воюют немцы, бельгийцы, французы et cetera. Газет читать не могу <...>.

Дружба союзных народов не что иное, как “обман тщеславия” или “покровительства позор”, патриотизм же, царствующий над каждой газетной буквой, заставляет ужаснуться, чему мы учим толпу и каких еще от этого ждать позорищ? Жалостью ко всем жертвам войны проникнуться я не могу, но если я потеряю хоть одного из близких мне (и вам) людей [30], я стану считать, что был в своей жизни свидетелем гнусного насилия...» [13, л. 14–14 об.]

Конечно, Некрасов размышлял о войне, но напряженная работа, заботы о семье требовали концентрации внутренних сил, и политика отходила на задний план. Все больше определялось его лицо как предпринимателя-коммерсанта.

Среди прочих в издательстве Некрасова вышла книга рассказов Б. Зайцева с включенной в нее пьесой «Усадьба Ланиных». Оценка издания специалистами была высокой. В рассказах, так звучных времени, критики увидели новый символ веры известного писателя. Легко прочитывалось, что после воспетой им стихийно бурной любви к жизни Зайцев почувствовал необходимость в нравственном оправдании бытия вообще и человеческого в особенности. «За всем грохотом культур, войн, переворотов и цивилизаций есть еще малая вещь – человеческое сердце, которое ищет неизблемого всегда», – напоминал он [5, л. 49].

Константин Федорович, не чуждый христианского пафоса, разделял его настроение и искал «неизблемого».

Письмецо без даты, «несколько строк», обнаруженное нами в архивной папке документов за 1915 год, было отправлено в Москву, где Софья Леонидовна осталась с новорожденным сыном. Таня же, которую Некрасов по-отцовски опекал, приехала с ним в Ярославль.

Константин Федорович сообщал, что погода здесь стоит «холодная, но добрая и ясная» и что девочку он старается одеть соответственно. Дав денег, «водил по магазинам, купил перчатки, ботики», Софью Леонидовну просил прислать почтой шубу дочери, шерстяные чулки, словом, вникал в житейские мелочи. Добавлял, что накануне они с Таней обедали «у мамы» [31], что по приезде сильно хворал, но теперь вновь собирается в Москву. Прощаясь, целовал «карапузика».

Так Некрасов будет называть маленького сына в письмах к жене. В наступившем 1915 году их было 18: первое датировано 26 января, последнее – 10 декабря. Это первое обращение он пишет наскоро, сразу после того, как получил депешу от Рябушинского [32], который извещал его, что го-

тов отдать свое «медное собрание». Чтобы ускорить дело, Константин Федорович просил Софью Леонидовну передать его согласие адресату по телефону и сразу расплатиться, о чем непременно сообщить в Ярославль. Подсказывал, как «достать деньги», весьма солидную сумму: деликатно побудить И. С. Остроухова [33] к выплате долга за редкую книгу, взять «под билет» [банковский вексель – Г. М.] и частично – из денег склада, то есть вырученных книжной торговлей. «Маранье» объяснял тем, что «написал уйму писем» [6, л. 5].

Он действительно много писал, стараясь сохранить и расширить творческие контакты. А. Диеперова [34] просил завершить работу над «Блаженным Иеронимом», поддержанную авансом еще осенью 1914 г. П. Сухотина торопил со статьей к воспоминаниям А. Григорьева, с предисловием к книге арабских сказок «Тути-наме», с переложением на доступный язык житийных текстов.

Издательская программа Некрасова изменилась. Он планировал выпустить серию художественных монографий, ряд культурно-бытовых очерков, готовил к публикации исторические материалы, «школьную серию», предусматривал производство детских книг, размышлял над «Архивом села Карабихи», никогда ранее не печатавшимся.

Выпуск в основном небольших по объему и удешевленных книг для народа, для детей и юношества (сюда входила и классика) был обусловлен сложившейся культурной ситуацией.

Многие из подготовленных издательством брошюр, как их называл сам Некрасов, вошли в «Библиотеку войны» [8, с. 1], расхваченные не только среди горожан и деревенских жителей, но и среди бывших на излечении раненых. Вполне возможно, именно такие книжки переправлялись и в лагеря русских военнопленных, гуманитарную помощь которым обеспечивал Красный Крест. «Надо надеяться, что ярославцы не пожалеют книг для <...> солдат и офицеров, жаждущих родной речи», – взывал со страниц «Голоса» Московский комитет помощи, осуществлявший ее в форме посылок через Копенгаген в Австрию и Германию [9, с. 3].

Школьная серия также предугадывала спрос. Серединой 1915 г. будет датироваться «совещание по библиотечному делу» при Ярославской губернской управе, отметившее, что три четверти всего книжного фонда городских библиотек составляла беллетристика и религиозно-нравственная литература – только четверть приходилась на книги научного и научно-популярного характера. Однако

интерес к ним рос, процент читателей (в основном школьников) был высок [10, с. 223]. Остро ощущалась нужда в качественной и доступной литературе для народных учителей.

Правильному прогнозированию способствовало членство Некрасова в Обществе содействия народному образованию, считавшем распространение полезных знаний одной из основных своих задач [11]. Хотя далеко не все планы удалось воплотить, усилия Константина Федоровича в этом направлении будут оценены, а одна из книг («Путешествие Екатерины II в Крым» М. Н. Коваленского) Учебный комитет при Министерстве народного просвещения даже рекомендовал для школьных библиотек [12, л. 1].

В Москве работу авторов и иллюстраторов, сотрудничавших с издательством, направлял П. Сухотин. Его письма к Некрасову изобилуют рабочими подробностями:

«...Посылаю нынче окончательную корректуру в верстке “Тути-наме”. Предисловие сочиняю и дня через два вышлю <...>. Нынче у меня читает Тепин о Сурикове; я пригласил и Скворцова, дабы вдвоем внимательнее прослушать и приметить места, нуждающиеся в правке. Сам Скворцов кончил о Левицком и переписывает, а с будущей недели займется снимками и Кипренским. Но он и сам хотел Вам писать. Тепина буду торопить с окончанием. Выборку из “Тути-наме” для юношества я сделал и посылаю с корректурой. <...> Затем, памятуя о том, что Вы хотели кое-что давать и для детей, предлагаю Вам свою стихотворную сказку о гороховом царе и сборничек детских стихов Ашукина. Хорошо было бы на пробу выпустить их к Пасхе с черными рисунками Малыгина, а сказку мою можно было бы повторить и в лубке. Беру на себя смелость думать, что сказка моя и стихи Николая Сергеевича не хуже всего того, что дают для детей другие издательства и в убыток они вам не будут, тем более, что рынок детский, судя по Рождеству, сильно оскудел, и спрос на детское чтение есть» [13, л. 1–3].

После деловитого отчета – несколько слов о воюющих друзьях и о себе: «Я кисну...» [13, л. 1 об.]. Преодолевать жестокую хандру помогала занятость, дружеское участие Некрасова да потребность вместе с ним поддержать тех, кто в участии нуждался еще больше – женщин, жен [13, л. 7 об., 8 об.].

Позже, вынужденный уехать в деревню, чтобы сократить ставшие непомерными расходы на жизнь семьи в Москве, П. Сухотин просил Некрасова не забывать его, слал горячие приветы

Софье Леонидовне, «газетным борзописцам», Ярославлю:

«В деревне с последним набором ратников воцарилась полная печаль, сердце надывается глядеть на пустые поля. Как-то Вы живы и здоровы? <...> Пришлите мне новых номеров лубка, моим мужикам он очень нравится»;

«Обо всех начинаниях, о которых Вы мне пишете, кроме хорошего, сказать ничего не могу, но сам в них пока участия принять не сумею. Жития для лубка <...> вышло»;

«Между прочим, я Блоку послал “Попугая” и получил от него отзыв <...> вот он: “Спасибо Вам, дорогой Павел Сергеевич, за прекрасную книгу, которую я с удовольствием читаю”. Это, конечно, касается и Вас, я-то, собственно, даже и ни при чем. Что пишут о ней газеты?» [14, л. 6–8 об.].

Газеты не оставляли «Книгоиздательство К. Ф. Некрасова» без внимания, отзывы были хорошими, но хватало и недоброжелательства [14, л. 4, 8].

Случались потери. Издательство «Сирин», петербургский партнер Некрасова как владельца книжного склада, занимавшегося реализацией предоставленной на комиссию продукции, с 25 января наступившего года прекращало деятельность, передавая свои издания другому складу. Константина Федоровича благодарило официальным письмом за существовавшие между ними приятные деловые отношения и желало успеха [15, л. 1].

Успеху препятствовали, замедляя процесс производства и оборот денег, аресты готовых к выходу книг. Однажды он напишет в сердцах: «Милая Соня, в этом году судьба положительно преследует меня. Наложили арест на книгу Тургенева “Россия и русские” [35]. Страшно досадно. Книга прекрасная, очень важная как исторический документ, пожалуй, скучноватая для обычного читателя <...>. Кроме того, дорогая – 3 тома 7 р. 50 к. Чем руководятся эти идиоты в цензорском комитете – не знаю. Пишу Кизветтеру [36], что он советует делать дальше» [6, л. 7–9].

К Некрасову стали приходиться сомнения в собственных силах, одновременно росла душевная зависимость от близких. Именно теперь, когда он был «не один» и один быть не хотел, требовали упорядочения не только издательская деятельность, торговля, но и семейные отношения, а вместе с ними быт. Уже в начале февраля Некрасов писал Софье Леонидовне:

«...Все думаю и думаю о наших делах. Ясно для меня, что так продолжать нельзя. И сейчас

постоянно сижу без денег, а дальше расходов множество. Еще больше меня смущает вот что. Долго ли мы будем жить на два дома. И тебе, и Карапузику, и Тане спокойнее и приятнее жить в Ярославле.

<...> Потолкуем и решим вместе. Мне же планы будущего рисуются в таком виде. Дело в Москве [имеется в виду торговля антиквариатом – Г. М.] мы ликвидируем и до весны выручим <...> порядочную сумму. Заранее вещи отдавать не будем, но все же постараемся с большей частью развязаться. Особенно с крупными и мебелью. Весной ты переедешь в Карабаху <...>. Я буду ездить по субботам, а может, и по пятницам, т. е. на 2–3 дня в неделю. <...> Там найдем в Ярославле хорошую квартиру. В Москве для склада (и себя вместе) я сниму квартиру где-нибудь в лубочных местах, т. е. у Ильинских или Никитских ворот. Заведовать всей книжной (лубочной) продажей и жить в Москве будет прекраснейший В. Симаков. Тут же и мне будет комната или две и одна антикварная: <...> все мы не сможем продать, да и дальше трудно удержаться от покупки хороших вещей, тем более икон» [6, л. 6–6 об.].

География поисков икон хоть и сузилась, но сами покупки не прекратились – письма тому доказательство. Они же свидетельствуют, что дело в Петербурге (склад и торговые точки) Некрасов сохранял и хотел найти для его ведения надежного человека. Собственное же время и силы Константин Федорович сосредоточивал на лубке. «Хорошие книги», то есть дорогие, предназначенные взыскательному читателю или коллекционеру, планировал временно издавать только для того, чтобы поддержать репутацию фирмы, 3–5 штук в год.

Лубочная продукция, дававшая надежные средства для содержания семьи, Некрасову радовала, однако как книготорговец он предвидел разочарования и предупреждал их все новыми попытками найти достойный выход из напряженного финансового положения:

«...Кое-что пойдет, вероятно, туго. Сейчас успешно работаем над детскими в красках. За эти <...> спокоен. Лишь бы не сплеховали художники» [6, л. 7].

Константин Федорович не забывал по обыкновению контролировать данные Софье Леонидовне поручения, особенно связанные с исполнением денежных обязательств по отношению к авторам. И тени недоверия не было в этом – привычная аккуратность хозяина. Нервничал, когда письма от

нее шли редко: сопутствующая деловой интимная их составляющая росла.

Этой же зимой Константин Федорович и Софья Леонидовна сделали попытку жить вместе: она закончилась едва ли не крахом и, против желания Некрасова, привела к первым письменным объяснениям. На письмо Софьи Леонидовны Константин Федорович реагировал бурно:

«...Не хотел писать Вам. Я думал, что Вы <...> сами поймете, какой несправедливый, жестокий и лживый поступок это письмо. Я возвращаю Вам его и хочу сделать еще попытку. Перечитайте <...>. Ведь что-нибудь одно. Или <нрб.> под влиянием досады написали Вы эти строчки – и тогда долго ли простить и забыть <...>. Но если это не так, если я ошибаюсь! Если холодное <...> чувство руководило Вами – ведь вот в чем ужас! Значит, холодной, бессердечной женщине я отдал свою душу. И после стольких сопротивлений, зная уже, как ужасно ошибаться! Дать жизнь ребенку...».

Зачеркивания, поправки, поиск нужных слов выдают сильное волнение пишущего: «Можете ли Вы понять, что вчера я проклинал...». Совладав с собой, выплескивал на бумагу быстрые мысли, и только путаница «Вы» и «ты» говорили о его смятении:

«Уже не раз Вы говорили мне, что <...> уедете. Все это делалось в моих интересах: “Я больше привык жить один, мне будет удобнее”. Меня Вы об этом не спрашивали; впрочем, ребенка оставили мне. Затем новое: ребенка возьмете Вы, ребенок мне не нужен <...>. Думаю, что не исказил ваши слова. Вдумайтесь теперь в них: <...> если это не легкомыслие почти преступное, то <...> дальше этого некуда идти».

Кажется, возмущение его достигло предела: «Понимаете ли Вы, что это <...> игра самыми священными чувствами мужа и отца. Делай по моему – иначе уйду и увезу ребенка. Могу ли я верить этому? Ведь если решаются на такой шаг, то делают это молча, как умирают».

Заподозрив шантаж в ее словах и поведении, продолжал, но уже больше досадуя, чем возмущаясь: «...если бы ты просто сказала мне: я ошиблась в вас, Вы не тот человек, за которого я Вас принимала. Или иначе: Вы не можете мне дать того, без чего я не могу жить... Я бы понял тебя и пожалел, и простил бы тебе разбитую жизнь, и, уж конечно, не посягнул бы на ребенка. Ах, Соня, Соня, какую пропасть вырыла ты своими собственными руками».

Однако мужественная ответственность за случившееся сдерживала упреки: «Я не сержусь теперь, но ведь это хуже, то, что происходит сейчас в моем сердце. Загляните поглубже в свое, и пусть оно научит тебя, что делать» [16, л. 18–18 об.].

Трудно сказать, каких усилий потребовало от обоих преодоление этого конфликта, но было очевидно, что Некрасов хотел сохранить семью, а по сути, только сейчас и приступал к ее строительству, кладя в основу самое надежное – любовь и верность. Он был откровенен как никогда прежде, что меняло строй и тональность его писем. Четвертого марта, по возвращении из очередной поездки, Константин Федорович сразу сел писать Софье Леонидовне. Многочасовая задержка в пути, случившаяся возле Мытищ из-за крушения встречного поезда, усилив личные переживания, только способствовала длинному письменному излиянию:

«Милая, ты пишешь мне о своих сожалениях по поводу нашей совместной жизни зимой. Я не хочу неволить тебя, но мне кажется, что так будет лучше для всех нас. Ведь я люблю тебя, и <...> мне нужна твоя поддержка и помощь. Здесь нет юношеского пылкого чувства, я часто капризен и брюзглив, но, милая, ведь мне почти 42 года. Кроме того, если не по природе, то по закоренелым привычкам я не склонен к семейной жизни. Я вообще человек одинокий, и часто одиночеством дорожу больше всего. И все-таки я думаю, что и при этих моих недостатках можно хорошо устроиться вдвоем. Хорошо, т. е. так, чтобы и тебе, и мне было лучше вместе, чем порознь. Для этого нужна только обоюдная снисходительность и уступчивость» [6, л. 7 об.].

Становится понятным, что он осознавал идущую в нем внутреннюю борьбу, когда говорил о желаемых изменениях как о совершившихся, предвидя ее сомнения, подкрепленные опытом неудач:

«Не смейся, милая, я совершенно серьезно. Я припоминаю наши споры и ссоры. Я бывал резок и жесток, особенно когда нарушались мои так называемые мужские права; но всегда во мне перебивало доброе чувство <...>, а не злоба. Словом, я думаю, милая Соня, что если мы постараемся, то устроим себе отличную жизнь. Пусть даже она будет казаться другим несколько странной (хотя почему?), не все ли нам равно...».

Завершая размышления, нежно и покровительно называл ее «милой девочкой», целовал «Карапузика». Не утаив ни одну из своих мыслей,

просил и ее написать сомнения «без прикрас»: «Думаю, что вместе мы все их расеем легко».

Даже в ситуации исключительной Константин Федорович не пренебрегал делом и просил взяться «за формальную его сторону», под чем разумел ликвидацию не только собственности, но и аренды в Москве. На плечи Софьи Леонидовны в связи с этим ложилось немало дополнительных хлопот.

Издательство функционировало «ничего себе», но свободных денег по-прежнему не было, расходов же на осуществление задуманного прибавилось. Некрасов вынужден был открыть кредит в банке под высокий процент, оправдывая его надеждой не только на прибыль от продажи книг, но и на доход от дома в Ярославле, что оказался частью отцовского наследства. Квартиры ремонтировались, чтобы сдать их внаем. С осени, по расчетам Константина Федоровича, они должны были «оказывать значительную помощь».

За распродажу антиквариата Софья Леонидовна взялась с присущей ей старательностью, так что Некрасов даже просил ее «не горячиться». Может, внутренне сожалея о принятом решении, надеялся, что «обойдется» и деньги придут с другой стороны. Главным в письме от восьмого марта были планы на лето, которые он предварительно обговорил с братом Борисом, новым владельцем Карабихи:

«Во флигеле будет жить он сам [Борис – Г. М.]. К нему приедут инженеры для постройки картофельного завода, и их надо куда-то поместить. Нам же он предлагает вот что: занять его квартиру и столовую в нижнем этаже. Таким образом, в нашем распоряжении будет столовая, в которой за ширмой могу поместиться и я; затем его бывшая спальня и кабинет для тебя и для маленького и <...> комната для Тани. Помещения довольно. Со столом тоже можно устроиться. За особую плату может готовить нам его повар. Для прислуги (только Аннушки) тоже есть место. <...> Но обо всем этом надо говорить еще с мамой...» [6, л. 8–8 об.].

Прощаясь, Константин Федорович благодарил жену за присланные деньги – он не мог отказаться от покупки икон:

«... Не писал потому, что только вчера вернулся из Вологодских краев. Устал и продрог, проехал на лошадях 100 верст. Привез 12 предметов больших и очень недурных да еще икону огромного размера. Икона, должно быть, 17 века, но письмо хорошее, и главное, целый ряд 12 праздников» [6, л. 9].

Его приобретению очень радовался П. Сухотин, помнивший о вдохновенных замыслах Некрасова и горячо их поддерживавший: «Неужели 12 праздников? Ах, как бы хотелось, чтобы они остались у вас! Давно собираюсь с вами поговорить, нельзя ли выключить из лавки древностей [то есть не «ликвидировать» – Г. М.] иконную часть, и все то, что более или менее ценно, водворить на ваши Ярославские стены. Ведь иконы попадают все реже и реже, и если уж говорить о материальных выгодах, то вы всегда ими успеете воспользоваться на крайний случай, продавши иконы от себя [еще недавно в редакции «Софии» был общий иконный фонд – Г. М.], а в случае удач они так и останутся мирно пребывать на стенах. Что может быть лучше их и чище для русского сердца...» [14, л. 2].

И в запальчивом сочувствии настаивал, пренебрегая реальностью: «Немедленно отправляйтесь в Вологду и ищите пророков, это ведь ваша давнишняя мечта – создать себе чин, а если есть праздники все, то недалеко до создания полного иконостаса. <...> Я прихожу к тому заключению, что наши иконы без архитектурного размещения в иконостасном ряду утрачивают многое, а подставлять их под стекла и рамы – это, значит, насиловать их природу, ведь часто “пророк”, вынутый из чина, кажется нам неудачно вписанным в доску, а между тем это не так, а потому, если серьезно собирать иконы и если есть возможность, то <...> надобно ставить себе задачей *подобрать иконостас*. А пока поздравляю вас со всеми праздниками и желаю вам пророков, в вашем будущем иконостасе местной иконой будет, конечно, “Сретенье”» [14, л. 2–2 об.].

Некрасов реальностью не пренебрегал, именно поэтому, вероятно, все чаще делился с Софьей Леонидовной сомнениями по поводу своих возможностей, вольно или невольно оправдывая ее давние опасения:

«Настроение вообще среднее, хотя лихорадочно думаю все время о деле, как поставить его прочно и устойчиво. Едучи из Вологды в вагоне, <...> составлял планы, сметы. Тяжело работать, не умею верно находить людей, а главное, заставлять их работать. Вспоминаю отца; люди у него бывали всякие, но все работали.

Это было первое за годы их переписки упоминание об отце, поссорившись с которым, он оставил родной дом. Смерть примирила его с человеком, чьи организаторские достоинства он не мог не признать: тот когда-то успешно заправлял хозяйственной частью «Современника», издаваемо-

го Николаем Алексеевичем Некрасовым, потом стал рачительным хозяином Карабихи, где проживала его многочисленная семья.

В конце Константин Федорович обговаривал с Софьей Леонидовной продажу одной из картин Шаховским, многообразные платы по обязательствам и, наконец, необходимость для нее самой лечь в больницу. В связи с этим вставал вопрос каждодневной заботы о малыше: «Мне надо знать заранее, чтобы сообразить свои дела» [6, л. 1–1 об.].

Прекратившаяся переписка позволяет предположить, что Некрасов какой-то период времени жил в Москве, занимаясь проблемами семьи и насущными издательскими делами.

Возрождению надежды на лучшее способствовало всеобщее ликование по поводу взятия Перемышля и порыв к победе, а в личном плане – возобновление эпистолярного диалога с П. П. Муратовым, переведенным с передовой в мирный Севастополь заведовать воздушной обороной крепости. Относительное спокойствие в городе, военным комендантом которого был его брат, давало Муратову возможность (а необходимость содержать жену с маленьким сыном требовала) продолжить литературную работу. Он хотел переиздать у Некрасова значительно дополненные «Воображаемые портреты» У. Патера, сделанный женой перевод из Э. Бронте и П. Мериме. Пасхальное письмо Муратова, полученное Константином Федоровичем, согрето участием и надеждой на встречу:

«Христос Воскресе! Будьте здоровы и счастливы, дорогой друг. Не соберетесь ли Вы в конце концов на юг?» [17, с. 247].

И позже, узнав о решении Некрасова:

«...Ужасно рад, что Вы приедете! Прямо воспрял духом. Смотрите же не обманите, не передумайте» [17, л. 249].

Настойчиво приглашая повидаться, Павел Павлович манил Некрасова еще и поездкой в Бахчисарай, полагая, что даже ради знакомства с ним «стоит сдвинуться с места». Софье Леонидовне слал поклон, благодарил Константина Федоровича за ответное письмо («отлично письма Вы пишете!»), радовался его «иконным успехам», просил прислать вышедшие книги: «Каролину Павлову» со статьей В. Брюсова, «Аполлона Григорьева» с предисловием А. Блока. Сожалея о несбывшемся, Муратов вспоминал «Софию», проектировал будущее, правда, лишь самое ближайшее [17, с. 248].

Победам на фронте сопутствовали поражения – действительность не оставляла иллюзий. Муратов с горечью констатировал: «...Бог весть, сколько еще все это продлится и когда я увижу вас, Москву, Волгу, русскую зиму, иконы. Времена суровые и заставляют много-много думать. О многом хотелось бы поговорить с Вами <...> Что Вы делаете, чем заняты, чем увлечены, чем разочарованы? <...> Как Ваши лубочные издания? Пишите же мне, как чувствуете себя в России. Здесь этого никак не угадаешь» [17, с. 249].

Некрасов писал другу. Письма его к жене также возобновились в апреле, причем летели непрерывной чередой, за месяц – девять. Значит, Константин Федорович жил в Ярославле безвыездно.

Утешала типография, которая работала хорошо. Нужда в деньгах, однако, не исчезла. Спасительный кредит все «не устраивался»: Пасха помешала собрать необходимые справки. Некрасов напоминал, чтобы через склад нашли возможность и выплатили 109 рублей С. Ф. Фортунатову за редактирование [37] и 225 рублей И. М. Брюсовой, что следовали Валерию Яковлевичу за военные корреспонденции в «Голосе»: такой была их предварительная договоренность. Спрашивал, послала ли Софья Леонидовна икону и картину в Румянцевский музей на выставку [38]. Не исключал даже их продажи по хорошей цене [6, л. 9 об.].

Софья Леонидовна продолжала заниматься антикварной лавкой. Он был внимателен к ее вопросам, во все вникал, не забывая контролировать выполнение собственных поручений, добавлял новые.

Поскольку приближалась плата по векселю в 1150 р., просил прислать накопившееся. Софья Леонидовна тут же выслала ему 2000 р., а следовательно, антикварный фарфор был продан весьма удачно. Главное, подчеркивал Некрасов в очередном письме, «остались лучшие вещи – с ними дешевить не придется» [6, л. 10 об.]. Пугала только мебель – «ведь ее не завернешь в бумагу», не унесешь, освобождая площади. Советовал «приняться за Гобермана и Каулина», то есть склоняться к покупке богатых клиентов.

Сам Константин Федорович в это время старался «не прозевать» квартиру в Ярославле и описывал многочисленные варианты, называя имена хозяев или бывших съемщиков, что позволяло Софье Леонидовне судить о местонахождении жилья, его видимых достоинствах («Не очень удобна, но уж очень приятна» [6, л. 11об.–12]) и высказывать предпочтения – время до осени еще

было. Надо заметить, что круг вопросов, которые он обсуждал с женой, постепенно расширялся.

Закончить поиски квартиры Некрасову мешало недомогание:

«У меня открылась какая-то странная болезнь. Сперва пропал вкус, а теперь во рту сильная горечь, особенно если съесть что-нибудь кислое или горькое. Сел на пресную диету <...>. Язык желтый, но глаза чистые» [6, л. 11 об.].

По зову пришел доктор Н. Н. Бажанов и, найдя «маленькое разлитие желчи», подкорректировал лечение. За разговорами просидел долго и, кстати, «привил оспу» Константину Федоровичу и Николаю Сергеевичу Ашукину, составившему им компанию. Вероятно, это была необходимая мера предосторожности: город переполняли беженцы, на излечение прибывало огромное количество раненых, поезда (а Некрасову, как мы знаем, приходилось много ездить) шли перегруженные самым разным людом.

Константин Федорович стремился к семье, но не столько болезнь и «окаянная оспа», сколько неотложные дела препятствовали поездке в Москву. Третейский суд, не найдя в действиях издателя «ничего худого», снял арест с книги Тургенева [6, л. 12 об.]. Однако под надзор едва ли не сразу попали другие.

А Москву ехал П. А. Критский [39] – он и должен был зайти к Софье Леонидовне за новостями. С Критским Некрасов решил выпускать журнал «Для народного дома», 20 номеров в год. Он надеялся, что «такой журнал может пойти и не даст убытка», к тому же оправдывает себя как реклама для издаваемых книг [6, л. 12 об.]. Замысел, впрочем, остался нереализованным [19].

Апрель 1915 г. был отмечен еще и началом бракоразводного процесса Софьи Леонидовны. Константин Федорович, настроенный решительно, нашел надежного адвоката, предваряя рядом условий переговоры с ее бывшим мужем, в письмах называемым «В. В.». Адвокат пытался склонить последнего «по-джентельменски взять вину на себя». «Но если бы это не удалось, – писал Некрасов Софье Леонидовне, – я уполномочил его вести дела так, чтобы вина была твоя. Указал свидетелей <...>. Здесь только одно меня беспокоит – это вопрос о Тане. Но я не думаю, чтобы В. В. был непреклонен, тем более что Таня – девочка большая, с осени в институте, и с ее желанием, где жить, нельзя до некоторой степени не считаться» [6, л. 13].

Вскользь говорил о своем здоровье, больше о выплатах авторам через московский склад, конечно, просил выслать накопившиеся деньги.

Письма от Софьи Леонидовны приходили с большим опозданием, что беспокоило Константина Федоровича, пока он не обнаружил досадной оплошности: раз за разом корреспондентка забывала указать на конверте город, куда посылала письмо:

«Милая Соня, что ты делаешь! Тысячу рублей и твое письмо я получил, но они, кажется, раньше побродили по свету, ибо <...> не было обозначено, в каком городе я обретаю, и догадливому почтальону пришлось порядочно поломать голову, прежде чем поставить: Ярославль» [6, л. 17].

Сообщаемое из Москвы радовало. Ликвидация шла «прекрасно»: было продано почти на семь с половиной тысяч, причем ушло множество «хлама», и «много еще хороших вещей осталось» [6, л. 16]. «Только бы не прижали нас с мебелью, – откликнулся Некрасов. – Не сделать ли <...> на мебель такую публикацию: Старинные вещи продаются с большой скидкой по случаю ликвидации. Петровка, 25; Лавка древностей» [6, л. 16].

Он говорил, что делать дальше, он – руководил, поощряя. Что-то «ушедшее» еще жалел. Но деньги нужны были больше.

Софья Леонидовна ждала переезда в Ярославль и, по всей видимости, о нем спрашивала. Константин Федорович отвечал, что о квартире «беспокоится, но не хочет спешить», подробно описывал жилье, которое его «прельщало» из всего виденного:

«...Оно вот какое: большая проходная и при ней маленькая – это мой кабинет и библиотека; затем: столовая с балконом, бывшая контора с большим окошком – моя спальня, и рядом комната с двумя окнами в сад тоже – твоя спальня. Точно бы внизу есть еще комната – не помню. Остается еще три комнаты наверху: одна для Тани, когда она будет приезжать на лето и на праздники. Если же внизу есть еще комнатка, это и совсем удобно. В крайнем случае, я могу отдать Вам и эту бывшую контору» [6, л. 16 об.].

Такие неторопливые, судя по количеству подробностей, и произвольные, судя по стилю, «беседы» позволяли Некрасову забыть о нарывавшей оспе, донимавшем желудке и уже привычной скудости стола: не мог порадовать себя бокалом любимого вина – не было [6, л. 17]. Но это ли лишения!

Ярославль, перевалочный пункт воюющей России, связанный с обеими столицами, наполнился

тревожными слухами, доходившими с фронтов и из центра. Софья Леонидовна те только подтверждала московские страхи – она им верила. Либерал Некрасов пессимистическое настроение обывателей и правительства объяснял «нервами», а заодно и безалаберностью последнего:

«Надо совсем не иметь здравого смысла или слишком низко думать о народе и обществе, чтобы в такое время бояться революции. Знаю, что Санкт-Петербург и сферы настроены очень тревожно и страшно бояться революции, но ведь эти люди всегда представляли себе народ каким-то диким зверем, который вдруг может броситься на них без всякой причины и поднять на рога. Могут быть бунты и восстания, но ведь от них до революции далеко. Да и что же делать, если правительство только через девять месяцев войны, когда цены на жизненные продукты утроились, хватилось заказывать товарные вагоны. Словом, бояться нечего, но война, конечно, может затянуться, и к этому надо быть готовым.

Вот тебе, милая, целая лекция о политике. Теперь о торговле <...> сделай скорей объявление – публика повалит, и мебель уйдет, не дорожись особенно». [6, л. 17–17 об.].

Вот реальность, которая его волновала, да еще малыш, поиски няньки для него на лето, которое, как мы помним, планировалось провести в Карабихе. Предвкушая скорую, возможно, встречу, Некрасов предупреждал жену шутливо:

«Пожалуйста, скажи карапузику, что пока я хвораю, но в Москве буду кутить и пропадать целыми вечерами. И чтобы он припас мне красного вина» [6, л. 17 об.].

Пока надежда оставалась, он мысленно симулировал прежнюю жизнь, называя кутежами долгие интеллектуальные беседы с друзьями-соратниками за бокалом вина, с рождаемой ими верой в незыблемость истины, добра и красоты.

А пока адвокат, занимавшийся разводом Софьи Леонидовны, сообщал, что В. В. согласился на предложенные условия, делу дан ход. Однако расторжение освященного церковью брака требовало участия духовенства, и надо было постараться «закончить главное до пустого летнего сезона, когда архиерей уедет по епархии». У В. В. была встречная просьба – не получать с него за Таню. Некрасов эту просьбу поддерживал, выступая ходатаем перед Софьей Леонидовной:

«Сделай это непременно. Ему трудно живется. И если он хочет сделать все добром, так и нам надо отвечать тем же» [6, л. 14].

Чтобы избавить Софью Леонидовну от непосредственного участия в процессе, Константин Федорович собирал справки о ее болезни. Ругмя ругал помогавшего ему в этом доктора Н. Н. Бажанова за привитую ему «проклятую оспу». Выбитый ею из колеи, Некрасов в письме к Софье Леонидовне шутил и сокрушался:

«Жалею, что нет возле меня тебя. Ты знаешь, хворать приятнее, когда есть кому приголубить, укрыть и приласкать и на кого поворчать. Я послал ворчливое письмо Бажанову, он в ответ прислал твое свидетельство и пишет, чтобы я благодарил Бога за то, что оспа привилась. Может, он и прав, только уж другой раз меня на эту удочку не подденешь! Два дня я сидел в редакции болванчиком...» [6, л. 15].

После бессонной ночи в лихорадке и поту («Неужели у всех оспа бывает такая свирепая!») встал вдруг совсем здоровым. И до того как взяться за дела, радостный, захотел поцеловать жену, что и побудило продолжить письмо, а там между делом «ругнуть» мать за ее неразумное доброхотство.

«По слухам», сестра Лиза собиралась покупать в Москве дом за 400. 000 рублей, 21. 000 из которых ей давала Наталья Павловна. «Не понимаю, что с мамой сделалось, – писал Некрасов, не скрывая досады. – Мне не жаль, конечно, ее денег, но они погибнут, несомненно, да и сама она таким образом становится помощницей тети Риты в обирании Лизы. А что она оберет – это несомненно» [6, л. 15 об.].

Сюжет этот больше не всплывал, оставшись знаком семейных пересудов, которые на страницы писем никогда не попадали.

В мае Константин Федорович сам был в Москве – завершал начатую Софьей Леонидовной кампанию тотальных продаж. Он жил в большой опустевшей московской квартире («за май заплачено»), жена с сыном – в Карабихе. Отчет предназначался ей:

«Губерману сдал на комиссию больше чем на 4000 р., Каулину <...> на 230 р., по мелочам продали за эти дни рублей на 400–500. <...> в квартире только хлам и вещи очень хорошие. <...>

Я сейчас так устал, что едва пишу...» [6, л. 18].

Это было написано 24 мая, а 25-го снова, с чувством:

«Милая, опять прошел вечер, опять я один в огромной пустой квартире. 11 часов, усталый, хочется спать и есть. Но <...> надоели эти “Праги”. <...> Продали сегодня порядочно. Народ был са-

мый отменный: князь Голицын, светлейшая княгиня Волконская, графиня Кутузова! <...>

Ну, будет, милая, мне хочется только перед тем, как идти спать, попрощаться с тобой. Целую», – заканчивал он склонявшийся к мелочам разговор [6, л. 19].

Ликвидация была завершена, все внимание отдано издательству. Еще в начале мая, «освободившись от тягостных дел и горьких недугов», Некрасову писал обосновавшийся в Вязьме Виктор Стражев [40]. Письмом он предварял желанную встречу в Москве и сообщал заранее, что готово из задуманной совместно «литературной библиотеки для школы»:

«Готово пока: 1) Лермонтов, 2) Батюшков. Лермонтов закончен совершенно для печати в выпусках I–II, III–IV заканчиваются. Автор – лицо вам неизвестное – М. А. Рыбникова, женщина весьма даровитая, преподавательница гимназии, по Лермонтову специалистка, то, что она сделала, по-моему, очень хорошо и интересно. <...> Батюшков – мой! Судить будете Вы. К июню обещали: И. Н. Розанов – «Поэмы пушкинской эпохи» и С. С. Игнатов – «Русская комедия XVIII века». <...> Когда мы с Вами (если Вы не раздумали) посмотрим образцы готового и разработаем дельнейший тип и план издания каждой книги, тогда дело пойдет полным ходом. К осени, во всяком случае, при желании можно будет выпустить первые 6–7 книг...» [20, л. 1–2].

24 мая из Петрограда корреспондировал Ф. К. Сологуб: «На днях я послал Вам мой перевод Вольтерова “Кандида”. Теперь посылаю Шатобриана <...>. За промедление очень извиняюсь». Давнее знакомство с Некрасовым позволило писателю чуть позже не только письмом поблагодарить издателя за скорый расчет, но и попенять ему из Песочного Ярославской губернии, где Сологуб жил тогда в усадьбе Тихменевых: «Недавно Вы проезжали мимо нас, как жаль, что не заехали. Может быть, еще соберетесь?» [21, л. 1–4].

Но Некрасов по рукам и ногам был связан делами. 31 июля из Санкт-Петербурга в Ярославль А. М. Ремизов писал: «Издать книгу сказок для детей – народных русских сказок – намерение благое и дело для земли русской нужное.

Когда придет время, напишите мне, и я займусь» [22, л. 10].

Теперь сказки из книги Докуки и Балагура после ряда сделанных Ремизовым замечаний и с измененными заглавиями дополнили лубочные издания, которыми Некрасов гордился.

Лето миновало свой зенит, когда отбывавший в Крым Некрасов писал из Москвы в Карабаху:

«Вчера я целый день бегал по Москве, искал бумагу. Цены большие, и, что делать дальше, трудно предсказать. Все-таки я купил бумаги для газеты и обеспечил газету недели на 2 еще, т. е. до 5–7 сентября.

Вообще, за вчерашний день обделал все свои дела и сегодня болтаюсь.

Завтра утром на поезд, а после завтра уже в Севастополе. И приятно мне это, и вместе с тем тревожусь за тебя, как ты будешь жить и поедешь ли в город. Тревожусь еще и за дела <...>.

В денежном отношении остался один этот месяц тяжелый; он еще пустой, идут только учебники, а с сентября пойдут уже и книги [6, л. 21–21 об.].

Некрасов призывал Софью Леонидовну к участию в издательском процессе: «Зимой, если ты захочешь, я посвящу тебя в свое книжное дело. Ты могла бы очень облегчить мне работу. Нужно ведь постоянное и неустанное за всем наблюдение, и я не всегда успеваю <...>. Прежде я, бывало, часто работал по вечерам, но теперь по лени оставил этот хороший обычай» [6, л. 21 об.].

Через две недели Константин Федорович писал уже из Ялты, бывшей конечным пунктом его крымского вояжа:

«В Севастополе меня встречал П. П. [Муратов – Г. М.], и пришлось остаться ночевать. Выехал 12-го вечером на лошадях в прекрасный лунный вечер, ночевал в Байдарах и вчера в 1 утра приехал в Ялту. Погода теплая, но облачно и ветер. У Екатерины Сергеевны [жена П. Муратова – Г. М.] видел маленького Гаврика, отличный мальчуган, здоровый и скромный, т. е. не пищит. Но наш карапуз лучше. Кормит она сама, и вообще она изменилась к лучшему. Стала как-то спокойнее <...>. Оба они вернулись к литературе, много работают, словом, по-моему, живут настоящей хорошей скучноватой жизнью. Даже мечта настоящая: после войны уехать в деревню и засесть там на полгода-год, чтобы без помех (и расходов) привести к концу все начатые литературные предприятия» [6, л. 22].

Некрасов почти сразу начал скучать в притихшей Ялте. 26-го августа были именины у Натальи Павловны, и он планировал вернуться в Москву 24-го, чтобы быть в день именин, как всегда, с матерью. Замечал, что народу в городе, да и везде в Крыму, очень мало. «Не знаю, – недоумевал он, – почему; бояться ли гибели или что другое – но вездеступо» [6, л. 22].

Вечером все погружалось в темноту – иллюминации не предполагалось: военные защищали побережье. И даже ранним вечером, когда в Александровском сквере гуляющая публика обычно показывает свои наряды, почти никого не было.

Остановился Константин Федорович по обыкновению в «России», и, как раньше, ходил на почту с надеждой найти письма.

Когда август радовал жарой, узнавал прежний Крым, который любил и ненавидел одновременно. Старый и добрый знакомый, врач Илья Иванович Иванов, в пылу политических разговоров добросовестно осматривал и выслушал Некрасова, заключив:

«Все благополучно, только нельзя часами лежать на солнце, не приучив раньше организм» [6, л. 23].

Константин Федорович и не лежал, ограничившись купанием, потому, может, чувствовал себя отлично и впервые, находясь в Крыму, сожалел, что любимой женщины нет рядом: «...Как было бы хорошо. Какое ласкающее море! <...> Если разбогатею, непременно куплю здесь дачу малюсенькую, где-нибудь под Ялтой; лучше всего около Массандры, а еще лучше в Верхней Ореанде кн. Долгорукой...» [6, л. 23].

Некрасов испытывал удовольствие от сознания физического здоровья, и настроение, приподнятое бокалом хорошего красного вина, щедро выплескивалось на страницу письма близким – Софье Леонидовне, Тане, малышу. Любил он их в эту самую минуту «нешадно», для них хотел быть здоровым и успешным, даже богатым, о чем прежде не говорил, хотя за обманчивой картиной внешнего благополучия видел, как скалит зубы «поганый дьяволишко» – воплощение внутренних сомнений и незнакомого до сих пор страха.

«Когда я здоров, я сумею с ним справиться, – запальчиво уверял Константин Федорович любимую. – Всю зиму я стараюсь работать с такой яростью, что ты представить не можешь. Мне нужна груда денег, я хочу и могу их добыть, на зло этому поганому дьяволишке, <...> и он не страшит меня» [6, л. 23 об.].

В Ялте было солнце, и море, и «красивые женщины в белых туалетах», и «бронзовая молодежь», по-щенячьи веселая, беззаботная. «А что в Карабихе?» – задавал он себе вопрос и давал волю чувству:

«Не скучай и не хвораю, моя голубка. Я скоро приеду, и заживем мы с тобой <...> уютно и счастливо. А потом, может быть, бросим Ярославль <...> купим усадьбу под Москвой, сплошной сад

роз. Ну, однако, я уже, кажется, скоро совсем заврюсь, прощай...» [6, л. 23 об.].

Как и планировал, Некрасов вернулся 25 августа. До декабря, если они и разлучались, то ненадолго: писем не было. А 8 и 10 сентября он писал ей в Ярославль из Москвы. Антикварное дело было ликвидировано, права на газету «Голос» переданы товариществу в лице Н. П. Дружинина. Издательство подтвердило свою высокую репутацию, выпустив ряд книг, ставших событием года или просто замечательных. Но и с издательством Некрасов был готов проститься.

Муратов первый заметил изменения в настроении друга. Благодаря Константина Федоровича за присланные в Севастополь деньги, книги и снимки с икон для продолжения работы над задуманной вместе книгой, он откликнулся на тронувшее его письмо:

«Люблю я в людях больше всего такие размышления и чувства (пусть и неясные даже!), которые у Вас там есть. Жизнь, действительно, тяжела. Мне ли этого не знать! – Иногда мне кажется, что на плечах 100 пудов, и я устал, верно, еще больше Вашего. Часто, слишком часто, думаешь, хоть бы и не жить вовсе. Но люблю я все-таки “простейшие элементы” жизни. Люблю видеть, как встает солнце и растет трава. Люблю пить вино и есть хлеб с сыром. А ведь Вы, пожалуй, еще больше меня все это любите. Конечно, солнце, трава, вино, хлеб и даже сыр есть в каких угодно странах. Но здесь начинается труднейшее...» [17, с. 252].

Почувствовав за философствованием Некрасова горькую ноту, выговаривал вдогонку:

«В Вашем последнем письме есть пессимистическое нечто, что, по-моему, самыми последними обстоятельствами не оправдывается. Уверен, что через год все уже войдет в обычные нормы и начнется даже “расцвет” для книг и искусства. <...> Все крепнет и крепнет во мне убеждение издать у Вас историю древнерусской живописи, отлично иллюстрированную и дорогую...» [17, с. 253].

А. Диесперов, также обеспокоенный настроением Некрасова, уже теперь предлагал почти завершенную им работу об Эразме Роттердамском:

«Если бы Вы знали, как мне хочется ее дописать, но мне кажется, что придет что-то враждебное. Никто, собственно, и не понимает, почему я <...> “зубами вцепился” в какого-то Эразма. Но через него я увидел возможность дать генезис современности в ее идеологической структуре – со всем ее плохим и хорошим – и вот бьюсь над латинскими фолиантами, чтобы дать почувствовать

читателю хоть “капельку” того, что такое был этот таинственный “гуманизм”, чтобы “хоть минутку” дать им подышать там воздухом духовной весны, которою были XV–XVI века до реформации. Тогда они увидят, что там, тогда была уже *подказана* вся современность, вплоть до социализма <...>. Только бы кончить, только бы не началось какого-нибудь неожиданного ужаса – там, на кровавых, страшных полях»; «Я сейчас почти ненавижу свои слабые руки и слепые глаза, – разве такому нужно теперь было бы быть!» [24, л. 3–5].

Он, нуждавшийся в поддержке, сам пытался ободрить Некрасова:

«Многоуважаемый Константин Федорович! Что с Вами? И предпоследнее, и последнее письма Ваши какие-то печальные. Отчего у вас эта хандра? Когда вся Россия собирается возрождаться (во что я, говоря по секрету, не верю), не позволительно так себя чувствовать, как вы и я. Ведь я хоть и не валяюсь по постели, хотя и работаю довольно много, но у меня никаких надежд на будущее (не личное будущее, а будущее России). Ну, будет революция, ну изменятся формы правления, – но останется русская недобросовестность, может, проклятое русское “спустя рукава”. Мне от него последнее время становится тошно, и я чувствую, как я задыхаюсь. Внутренне я уже наполовину поссорился со своей отчизной» [24, л. 24–24 об.].

Какие дела держали Константина Федоровича в Москве в декабре 1915 г., доподлинно не известно. Предполагаем, он обдумывал возможность покупки и переоборудования картофельного завода в Мологе. Письма к жене не обнаруживают тревоги и подавленности – он в меру энергичен, но не скрывает усталости и ею, вероятно, обусловленного нездоровья:

«Милая Соня, весь день собирался писать тебе, но <...> чувствовал себя так плохо, что, добравшись до дому, обыкновенно скорее ложился. <...>

Бодрит очень погода; ясно, тихо, 10–15 мороза. Хочется мне скорее попасть домой, к тебе, милая. Скучно здесь. Но еще не был во многих местах, а главное – у этих инженеров Зотовых узнать все о картофельном заводе. Ах, если бы мне осилить это дело! Господи, как бы я был счастлив! Но плоха надежда, много надо денег...» [6, л. 28].

До встречи с мужем в Ярославле Софья Леонидовна получила коротенькое письмо:

«...Выеду завтра утром с поездом 10 ч. 30 м. утра. Выехал бы сегодня, да мама просила остаться – едем все в “Летучую мышь”. Целую тебя, милая, рад, что увижу завтра. <...> Танюша здорова,

шлет тебе поклон. Вчера были мы с ней на “Пиковой даме”. Скучновато, но досидели. Ну, прощай. Твой...» [6, л. 29].

Новогоднее письмо Муратова итожило год, ставший для Некрасова переломным:

«...Как бы то ни было – с Новым годом Вас, дорогой друг! Хоть и идут годы, но я рад, что этот год прошел. Для меня лично он был счастливым [не убит в бою, дождался рождения сына, вернулся к литературной работе – Г. М.], но все менее и менее меня удовлетворяет “мироздание” <...> торжество “дурного начала”, и хотя я всегда подзревал возможность такой истины, но всю жизнь не хотел в нее верить ни в индивидуальной, ни в мировой сфере. Понятие о необходимости всяких испытаний становится ли нужным с такой точки зрения? Представляете ли Вы себе будущее? Я – вовсе нет. Поэтому, когда пишу Вам планы работ, все это, вроде как, вилами по воде...» [17, с. 258].

1916-й год Некрасов встречал с семьей в Ярославле. Простейшие элементы жизни сложились в формулу нерушимого: любовь, труд, хлеб, тепло родного очага. Но и этот оплот счастья в кутерьме происходящего надо было защищать, обеспечивая любимым будущее, и Некрасов собирал силы для новых свершений.

Библиографический список

1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. – 2007 (3 CD – ROM)
2. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 331. На 38-и листах.
3. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 110. На 32-х листах.
4. Дружинин, Н. Новый год и война [Текст] / Н. Дружинин // Голос. – 1915. – № 1. – 1(14) янв.
5. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 355. На 67-и листах.
6. Некрасов, Н. К. По их следам, по их дорогам [Текст] / Н. К. Некрасов. – Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1975. – 304 с.
8. Библиотека войны [Текст] // Голос. – 1915. – № 25. – 31 янв. (12 фев.).
9. Отбор книг, журналов и учебников для русских пленных [Текст] // Голос. – 1915. – № 234. – 14 (27) окт.
10. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века [Текст] / А. М. Пономарев, В. М. Марасанова, В. П. Федюк и др.; отв. ред. А. М. Селиванов; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль, 2000. – 368 с.
11. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 1279. На 10-и листах.
12. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 321. На 1-ом листе.

13. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 257. На 5-и листах.

14. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 258. На 8-и листах.

15. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 319. На 1-м листе.

16. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 331. На 38-и листах.

17. Из истории сотрудничества П. П. Муратова с издательством К. Ф. Некрасова [Текст] / вступит. ст., публ. и ком. И. В. Вагановой // Лица: Биографический альманах. 3. – М.; СПб.: Феникс: Atheneum. 1993. – С. 155–265.

18. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 325. На 3-х листах.

19. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 258. На 43-и листах.

20. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 254. На 2-х листах.

21. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 253. На 4-х листах.

22. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 215. На 12-и листах.

23. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 267. На 3-х листах.

24. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 93. На 26-и листах.

25. ГАЯО [Текст]. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 36. На 1-ом листе.

26. Некрасов К. Единая Россия [Текст] / К. Некрасов // Голос. – 1914. – № 167. – 22 июля (4 авг.).

Примечания

27. См.: Мурзо, Г. В. Не только частная жизнь: письма К. Ф. Некрасова к С. Л. Щерба [Текст] / Г. В. Мурзо // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – №3 (56). – С. 176–188; Мурзо, Г. В. «Право отважиться на все»: письма К. Ф. Некрасова к С. Л. Щерба [Текст] / Г. В. Мурзо // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – №4 (57). – С. 238–247; Мурзо, Г. В. Между миром и войной: письма К. Ф. Некрасова к С. Л. Щерба [Текст] / Г. В. Мурзо // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 1 (58). – С. 236–251.

28. П. П. Муратов (1881–1950) – переводчик и эссеист, исследователь искусства, художественный критик.

29. Павел Сергеевич Сухотин (1884–1835) – писатель, поэт, драматург; сотрудник издательства К. Ф. Некрасова.

30. Речь идет о П. П. Муратове и Н. М. Щекотове, активных сотрудниках ставшей жертвой войны «Софии». К следующему посланию П. Сухотин сделает приписку: «Павел Павлович жив и отмечен орденом Анны с мечами. Ник<олай> Мих<айлович> двигается к

Августову. Не могу без горечи вспоминать о них, а приходится каждый день, говоря с Лид<ией> Ник<олаевной> и Екат<ериной> Сергеевной, делать вид, что все обстоит как нельзя лучше. Екат<ерина> Сергеевна беременна... [13, л. 15].

31. Наталья Павловна после смерти мужа Федора Алексеевича жила в Карабихе, которую наследовал брат Константина Федоровича, Борис.

32. Наверняка сказать, какой из Рябушинских, богачей, коллекционеров, попечителей художеств, имеется в виду, нельзя. Предполагаем, что это Н. П. Рябушинский, с которым Некрасов вел дела и раньше.

33. Илья Семенович Остроухов (1858–1929) – художник-пейзажист («Сиверко»), собиратель произведений искусства, икон; был другом П. М. Третьякова и попечителем его галереи.

34. Александр Федорович Диесперов (1883– не ранее 1931) – поэт, критик, историк литературы.

35. «Россия и русские», знаменитое сочинение Николая Тургенева, яркого публициста, общественного деятеля декабристского периода, было написано по-французски и вышло в переводе Н. И. Соболевского под редакцией А. А. Кизеветтера.

36. Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – российский историк, общественный деятель, профессор Московского ун-та; автор признанных трудов по политической истории и истории общественной мысли XVIII–XIX вв., мемуарист.

37. Сергей Федорович Фортунатов – исследователь литературы, представитель династии, давшей Отечеству не одного славного ученого; в издательстве К. Ф. Некрасова вышли три тома «Мемуаров г-жи де Ремюза» в редакции и с вступительной статьей С. Ф. Фортунатова.

38. 21 сентября 1915 года К. Ф. Некрасов получил письмо, в котором Комитет «Выставки картин старых западных мастеров», устроенной в апреле-мае Обществом друзей Румянцевского музея в пользу сербов и черногорцев, пострадавших от войны, приносил Некрасову благодарность за предоставление картин и содействие осуществлению мероприятия. К письму прилагался полный отчет «по означенной Выставке». Среди подписавших благодарственное послание – кн. С. А. Щербатов, кн. В. Д. Голицын, И. Э. Грабарь, Ф. О. Шехтель, А. Н. Бенуа, Б. Р. Виппер, Н. И. Романов и др. Некоторые из них сотрудничали в свое время с «Софией» или предполагали такое сотрудничество [18, л. 1–3].

39. Петр Андреевич Критский (1865–1922) – журналист, краевед; в описываемое время редактор журнала «Русский экскурсант», издаваемого в Ярославле.

40. Виктор Иванович Стражев (1879–1950) – библиограф, литературовед, поэт.